

Л.А. Новиков

М.К. Баранович. Биографический очерк

Марина Казимировна Баранович родилась 31 декабря 1901 года в Москве, в семье врача. Отец — Казимир Феофилович — имел собственную, пользующуюся хорошей репутацией у москвичей лечебницу на Воздвиженке. Мать — Александра Владимировна (до замужества Орлова) скончалась, когда девочке было около пяти лет.

Годы учебы прошли в стенах училища Ордена Св. Екатерины (Екатерининский институт) — одного из лучших женских учебных заведений в дореволюционной России. Качество образования было очень высоким, серьезное внимание уделялось изучению иностранных языков. Об уровне музыкального воспитания можно судить по именам преподавателей: А.Скрябин, С.Рахманинов, А.Гольденвейзер, Л.Конюс, П.Чесноков. Почетным опекуном и членом Совета института был Генерал-от-Кавалерии А.А.Пушкин — СЫН великого поэта. В Москве и в Подмоскovie деятельность А.А.Пушкина была хорошо известна; среди многих обязанностей была и такая: уездный предводитель дворянства Московской губернии. По свидетельству Т.И.Лешенко-Сухомлиной этот почтенный и весьма пожилой человек охотно посещал Екатерининский институт («и нам нравилось, когда он навещал нас»). Во время встреч с воспитанницами он обычно останавливался около Марины Баранович и с душевной теплотой и доброжелательным вниманием о чем-нибудь спрашивал. Ответы девочки были четкими, живыми по мысли и интонационному звучанию. Училась Марина отлично, ее лидерство во всех отношениях было неоспоримым среди подруг и сверстниц. Но завершить учебу не пришлось. 1917 год, революция и с ней начало серьезных жизненных испытаний. В силу фантастического совпадения обстоятельств Марина вместе с отцом были в 1918 году арестованы и оказались в Бутырской тюрьме. Отца поместили в камеру смертников... Спустя некоторое время, обнаружилась абсурдность подозрений, послуживших причиной заключения. Дочь и отец были освобождены. А через несколько десятилетий Марина Казимировна расскажет подробности этих трагических дней А.И.Солженицыну, и в «Архипелаге Гулаге» можно будет прочесть (с ссылкой на свидетельницу) об условиях содержания узников в Бутырской тюрьме.

В заботе о хлебе насущном, чтобы обеспечить себе существование, приходилось выполнять рутинную канцелярскую работу в различных учреждениях. Немногие же свободные часы были отданы встречам с друзьями, театру, другим культурно-художественным интересам.

В 1921 году, после успешно выдержанного вступительного экзамена начались занятия в Театральной студии М. А. Чехова. В опубликованных воспоминаниях З.В. Свиной (журнал «Согласие», 1993, №2) о чеховской студии начала 20-х годов есть характерное признание: «Марина Баранович — самая культурная, образованная и развитая девушка среди нас. Увлекалась Марина поэзией, часто читала стихи. У нее было чисто русское, прелестное лицо с чудесными голубыми глазами и очень розовыми щечками...» Студия помещалась в знаменитой «круглой комнате», в квартире М.А.Чехова, в доме на Арбатской площади, вблизи церкви св. Бориса и Глеба, позднее снесенной. Занятия проходили вечером под руководством М.А.Чехова и В.Н.Татарина. Однажды в гости к студийцам пришел М.П.Столяров — один из активных деятелей Русского Антропософского Общества (РАО). В состоявшейся затем беседе об Антропософии им были даны ясные и четкие ответы на многие вопросы, которые волновали присутствующих. Антропософия становится духовной доминантой в жизни студии.

Праздничные встречи, занятия эвритмией. Сюда приезжает и читает лекции А. Белый. Здесь пишет портрет М. А. Чехова и ведет долгие беседы о духовной науке М.В.Сабашникова. Дружеские отношения с М.А. Чеховым, В.Н. Татариновым и их окружением сохранились у М.К. Баранович и после ухода из студии. Некоторое время она трудится в коллективе вахтанговцев (работа над ролью Адельмы в «Принцессе Турандот»). С 1924 года — выступления в бригадах «Синей блузы» с чтением стихов русских поэтов.

Пожар Гетеанума в далеком Дорнахе в новогоднюю ночь 1922/1923 года — это символически обозначенный хронологический рубеж существования РАО. Общество прекратило свою работу из-за действий правительства, в соответствии с политическими установками большевистских лидеров. Но Антропософское движение в России продолжало развиваться и углубляться; приходит одаренная и творчески активная молодежь, способная и осознавать, и решать сверхзадачи, выдвигаемые Духом времени. С прекращением работы РАО центр духовной активности смещается и переносится в небольшие группы и кружки. М.К.Баранович, Д.Н.Часовитина, Г.С.Киреевская и многие другие, — их дружба, бесспорно, не вмещается во временные границы одной земной человеческой жизни, — занимались в антропософских кружках, группировавшихся около К.Н.Бугаевой и А.Белого.

В середине 20-х годов — поездка в Коктебель и начало дружбы с М.А.Волошиным. Из свидетельств Г.С.Киреевской и О.Н.Анненковой нам известно о проводимой в Коктебеле антропософской работе. Летние поездки М.К. Баранович в Коктебель становятся регулярными (они не прекратились и после смерти Волошина в 1932 г.). Через Марину Казимировну Волошин передавал в Москву, в «Политический Красный крест» («Общество помощи политзаключенным») сведения о жертвах репрессивного преследования в Крыму. Информация с просьбой о помощи поступала к М. Л. Винаверу, который вместе с Е.П.Пешковой, первой женой М.Горького, делал все возможное для облегчения участи пострадавших. Позднее М.Л.Винавер был арестован, и его жизнь трагически оборвалась.

В начале лета 1931 года — волна арестов среди московских антропософов. Многие из них были заключены в Бутырскую тюрьму. Вызовы и допросы распространялись и на тех, кто не был арестован. Приговоры, ссылки и высылки, а позднее — лагеря и «зоны»: Казахстан, Сибирь, Колыма... Внешне судьба оказалась не столь откровенно жестокой к Марине Казимировне. Как и А.Белый, Г.С.Киреевская, Д.Н.Часовитина и некоторые другие из друзей, она не была под арестом, не была сослана... Однако внутреннее переживание трагедии было почти у всех в главном схожим. А для М.К. Баранович эта боль еще в большей степени усиливалась переживаниями за судьбу ее ребенка: в 1932 году родилась дочь — Анастасия. Марине Казимировне чудом удалось уцелеть в 1933-1934 гг., в период работы в «Спецстали» техническим переводчиком. Среди служащих были специалисты, приехавшие из-за рубежа. Один из ее друзей, люксембуржец, арестован. Затем последовали вызовы и мучительные допросы в ГПУ самой Марины Казимировны.

В 1932 году скончался М.А.Волошин, в 1934 — А.Белый. Круг друзей-единомышленников сужается. Встречи и кружковые антропософские занятия становятся более редкими. Среди близких и пользующихся абсолютным доверием у К.Н.Бугаевой лиц М.К. Баранович — одна из немногих... «Зерна брошены в распаханную землю, чтобы в глубине и сумраке ждать своего часа...»

Позднее, до начала войны работа для заработка осуществлялась дома и была связана в основном с высококвалифицированной машинописью, редактированием текстов, техническим переводом. М.К. Баранович по роду своих занятий приходилось встречаться со многими деятелями литературы и науки. И здесь были встречи, дарованные судьбой, за которыми следовала многолетняя дружба.

Первые месяцы войны 1941 года Марина Казимировна вместе с дочерью Настей живет в Подмосковье, в деревне Свистуха около станции «Турист» (Савеловской ж.д.): покосы, уборка урожая («косила не хуже местных, но были проблемы с обувью»). Линия фронта быстро приближалась. Немцы подступили к Яхроме. Обстрелы. Бомбежки. С большими трудностями удалось добраться до Москвы. Позднее, в течение двух военных лет Марина Казимировна была донором, участвуя в спасении раненых.

По окончании войны, когда Б.Л.Пастернак вернулся в Москву, Марина Казимировна написала ему письмо. Борис Леонидович откликнулся, позвонил, и встреча состоялась. 1946 год — начало их дружбы и многолетнего сотрудничества. Марина Казимировна оказывала помощь в переписке всех основных работ послевоенного и более позднего времени. Здесь и обе части «Доктора Живаго», перевод «Фауста» Гете, множество стихотворений... Письма Бориса Леонидовича (часть их опубликована) свидетельствуют о том, с каким глубоким уважением он относился к оценкам, критическим суждениям, откликам М.К.Баранович — зачастую первой читательницы новых произведений. Стихи для «первого прочтения» посылались и К.Н.Бугаевой. Не подлежит сомнению, что отношение Б.Л.Пастернака к творческому наследию Гете соприкасалось с духовно-научными установками антропософского окружения К.Н.Бугаевой. Здесь можно вспомнить опубликованное большое письмо Б.Л.Пастернака к М.К.Баранович (от 3 августа 1953 г.) о Фаустовском Мире и дарственную надпись на экземпляре вновь вышедшего перевода «Фауста» («одной из немногих, для кого трагедия была написана еще в подлиннике»),

В добром, благородном, хотя и несколько специальном значении этого слова, М. К. Баранович можно назвать одной из родоначальниц «Самиздата». С появлением первых стихотворений Бориса Леонидовича из «Доктора Живаго» Марина Казимировна печатает и заботливо составляет небольшие сборнички, снабжая их незатейливыми цветными обложками. Эти «домотканные» книжечки с ведома Б. Л. Пастернака и к радости его друзей и почитателей путешествовали затем по Москве и дальше — за ее пределами.

В 1954 году — начало тяжелой болезни. У Марины Казимировны пропадает голос, болезнь развивается, диагноз врачей — рак горла. В 1956 году потребовалась сложная операция. После нее стало уже невозможным привычное общение с окружающими. Приходилось использовать несовершенное электродиктофонное устройство. Уста шевелились, а глаза во время общения всегда говорили больше и яснее, чем «препарированное» прерываемое паузами подобие человеческой речи. Судьба подарила еще 18 лет жизни, и иначе как подвигом и духовным горением творческую деятельность в эти последние годы не назовешь.

В 1959 году Марине Казимировне стали доступны в подлиннике произведения Антуана Сент-Экзюпери. Духовно-художественный мир Сент-Экзюпери был ей созвучен. В следующие годы большими тиражами публикуются мастерски выполненные М.К.Баранович переводы «Военного летчика», «Южного-почтового», «Письма к заложнику», «Писем к матери» и другое. Остался незавершенным перевод «Цитадели», однако машинописные и переплетенные экземпляры избранных глав этой книги с предисловием самой переводчицы отправлялись в долгое путешествие среди московских друзей и знакомых, а затем появлялись и в других городах. М.К.Баранович вступила в переписку с друзьями писателя. Очень интересно было ее духовно-научное прочтение творческой биографии Сент-Экзюпери. Своими открытиями она делилась с друзьями и знакомыми. Труд М.К.Баранович во многом способствовал русско-язычному воплощению творчества писателя. Достаточно наугад, выборочно взять несколько строк из перевода «Цитадели», и чудо постижения переводчицей художественного мира Сент-Экзюпери может оказаться доступным читателю.

В 1964 году встреча и знакомство с А.И.Солженицыным. В более поздние годы дружеское и доверительное отношение Александра Исаевича к Марине Казимировне и членам ее семьи оставалось неизменным. Об этом есть упоминание в книге «Бодался

теленек с дубом» (Пятое дополнение. Невидимки). По признанию А.И.Солженицына, часть его творческого архива хранилась именно в этой семье («самые опасные мои вещи» — «Архипелаг», «Круг 96»). Трагические события 1965 года, когда агенты КГБ, воспользовавшись неосторожностью В. Л. Теуша, захватили часть архива А.И.Солженицына, — коснулись и антропософского окружения К.Н.Бугаевой. Последовали вызовы Марины Казимировны, обыск, изъятие личных вещей, допросы. Положение осложнилось неоднозначным поведением на допросах одного из вовлеченных в эти события. Ей угрожали: «Мы устроим вам очную ставку.» — «Устройте, и я скажу ему, что он лжет.»

В конце 60-х годов М.К. Баранович вела интенсивную работу над переводами Р. М.Рильке («Письма из Мюзот»). В процессе этой работы она делилась с антропософскими друзьями своими мыслями, раскрывающими содержание духовно-мистического опыта Рильке. К сожалению, далеко не все ее переводы опубликованы, включая и переводы последних писем поэта. (Рильке Р.-М. «Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи». — М.: Искусство, 1971.)

Последнее десятилетие жизни связано с исключительно напряженной деятельностью по переводам работ Р.Штейнера. Марина Казимировна сознавала, что времени для воплощения задуманного остается немного (об этом свидетельствуют письма к самым близким друзьям). Работала быстро, причем перевод сразу же получал машинописное оформление. Затем экземпляры готовых текстов поддавались друзьям. Вручая очередной цикл докладов, Марина Казимировна говорила: «Я так рада, что могу подарить это Вам и ...» (произносилось имя или имена других друзей и знакомых по антропософской работе). Среди переводов — отдельные Евангелические циклы докладов Р.Штейнера. Одна из последних по времени работ — перевод больших циклов докладов «Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества» (1911-1912) и «Солнечная Мистерия и Мистерия Смерти и Воскресения» (1922). Венец ее замечательной переводческой деятельности — «Драмы-Мистерии» Р.Штейнера: «Испытание души», «Страж порога» и «Пробуждение душ». То, что оставила нам М.К. Баранович — овестьствованные текстовые оболочки, отражающие глубокий творческий процесс постижения духовного наследия Р.Штейнера. С уважением отметим здесь имена и тех, кто также переводил «Драмы-Мистерии» — Л.Эллис (самый ранний по времени перевод драмы-мистерии «Врата посвящения»); в этой работе участвовала М.Я.Сиверс), Н.Белоцветов, А.Белый, М. Шмерлинг, Т. Киселева.

Марина Казимировна скончалась в Москве 8 января 1975 года. Смерть явилась внезапной гостьей, пришла ночью, во сне. На столике возле кровати лежали Евангелие и томик стихов А.А. Ахматовой («Когда я называю по привычке/моих друзей заветных имена, /всегда на этой странной переключке/ мне отвечает только тишина.»). Обряд отпевания был совершен в старинной «Солдатской» церкви, вблизи Лефортовского госпиталя (церковь св. апостолов Петра и Павла). Около гроба встретились в скорбном молчании убеленный сединами академик и строгие монахини, педагоги, научные работники, деятели литературы и искусства, родные и друзья по антропософии. Похороны состоялись на Введенском (бывшем Немецком) кладбище. Могила около главной аллеи, недалеко от памятника святому доктору Ф. Гаазу («Спешите делать добро!»). На этом же кладбище могилы многих антропософских друзей Марины Казимировны.

Имя ее и все доброе, что она отдала людям, не забыто. В разных изданиях продолжают появляться строки со словами благодарности. В 1987 году в Гамбурге вышло на немецком языке исследование давнего ее друга Л.З. Копелева «Фаустовский мир Бориса Пастернака» с посвящением памяти М.К. Баранович. В Симбирске, в клубе почитателей творчества Сент-Экзюпери, на одном из стендов — фото Марины Казимировны. В журнале «Работница» (1992, № 7—8) можно прочесть посвященное ей стихотворение. Летом 1993 года, в Дорнахе (Швейцария), на выставке, приуроченной к 80-летию открытия РАО можно было увидеть фотопортреты Марины Казимировны и ее

друзей. На собраниях Антропософского общества в Москве произносится это имя. И вот теперь мы имеем возможность прочитать доклад Р.Штейнера «Эфиризация крови...» в ее переводе. Эта публикация — знак уважения к прошлому, без которого нет будущего.

От А. С. Пушкина мы получили напутствие — «в просвещении стать с веком наравне», и это с полным правом можно отнести к жизненному подвигу Марины Казимировны Баранович.

В заключение хочу выразить искреннюю признательность Анастасии Александровне Поливановой, дочери М.К. Баранович, за дружескую помощь при подготовке очерка.

Пользуясь случаем, упомяну также имя госпожи Анни Ян: ее плодотворное участие в развитии Антропософии в России неоспоримо, как и усилия, способствующие объективному изучению, истории антропософского движения.